

Ольга Касымова

Образ леса в языковой картине мира : на материале русского и ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Acta Neophilologica 17/1, 45-48

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Ольга Касымова

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания
Башкирский государственный университет

ОБРАЗ ЛЕСА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Key words: lexical meaning, language picture of the world

Статья посвящена важной теме: способам выражения картины мира в языке. В современных исследованиях использование терминов «образа мира» и «картина мира» является очень актуальным и злободневным. Язык тесно связан с мышлением, хотя и не тождественен ему. Каждый язык имеет свой собственный способ выражения восприятия окружающей действительности, который заключается в национально-специфической системе взглядов, общих для всех его носителей. Это приводит к формированию уникальной национальной языковой картины мира, общей для всего данного сообщества.

Слово «лес» занимает важное место в нашем сознании, оно реализует универсальное понятие природы и имеет близкие значения в русской и польской языковых картинах мира. Эти значения – «территория, заросшая деревьями», «некое живое существо», «строительный материал». Поэтому слово «лес» имеет очень близкую сочетаемость в этих родственных языках.

Среди концептуально важных для любого общенационального языкового сознания явлений особо выделяются те, которые связаны с растительным миром. Представление о сложившемся в сознании людей мире растений, сопутствовавшем человечеству на всем протяжении его эволюции, издавна привлекало внимание исследователей. Неоднократно отмечалось, что у людей с растениями были особые отношения, которые отразились и закрепились в фольклоре, языке и артефактах культуры. Индивидуальные впечатления и коллективные мифологические представления послужили основой для формирования лексических значений слов, синтаксической сочетаемости слов и – в итоге – для формирования соответствующих языковых концептов, обозначающих мир растений. Лес как природное явление издавна сопровождает людей всю жизнь, являясь средой обитания и источником разнообразных занятий: младенца укладывали в деревянную колыбель, а последним

приютом человека была деревянная домовина (гроб). Поэтому это слово активно употребляется в речи, является многозначным и обладает богатым ассоциативным и коннотативным фоном. Оно входит в ограниченное число слов, вызывающих наиболее яркие образы [Попова, Стернин 2001, 58].

Лес всегда играл важную роль в жизни славянских народов. Дерево (как «представитель» леса) в языческой мифологии являлось символом жизни. У А.Н. Афанасьева мы находим следующие слова о «дереве-великане»: «Дождевые тучи, потемняющие небесный свод широко раскинутою и многолиственною сенью, в глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, ветви которого обращены вниз – к земле, а корни простираются до самого высокого неба» [Афанасьев 2006, 304]. Различные представления о дереве зафиксированы в разных индоевропейских языках. Дерево в древности считалось вместилищем душ или духов (как гора или вода), соотносилось с такими значениями, как «музыка, гармония, порядок», «чудо, волшебство», «время», «жизнь», «смерть», «огонь» [Маковский 1996, 135–141].

В последнее время в русской лингвистике исследование значения слова ведется с опорой на понятие концепт. Это позволяет более полно по сравнению с компонентным и семным анализом значения слова осмыслить разнообразные оттенки значения и особенности употребления слова. Учет способа соединения слова с другими именами является важным, так как позволяет судить о степени близости объектов в нашем представлении. Рассмотрение в совокупности объема лексического значения слова и лексической сочетаемости позволяет уточнить представления о концепте и лексическом значении соответствующего слова, в том числе обнаружить не отмеченные в словарях оттенки смысла. Неоценимую помощь в анализе лексического значения слова оказывают национальные корпуса. Большое количество примеров (в Национальном корпусе русского языка лексема лес употреблена 16936 раз), предоставляет исследователю богатые возможности для анализа значения и употребления слова. Примеры для нашей статьи взяты и русского (НКРЯ) и польского (НКПЯ) национальных корпусов.

Основное и прямое значение слова лес по данным словарей – 'деревья, стоящие на корню, а также пространство, обильно заросшее деревьями'. В словаре не разделены два разных смысла: 1) совокупность деревьев и 2) территория, на которой произрастают деревья, т.к. из-за онтологической смежности этих явлений (пространство – множество деревьев на нем) в нашем сознании они очень близки. Второе значение, представленное в словаре, – 'срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал'. Это второе значение является производным и переносным, тип переноса – метонимия [МАС, III, 176].

Центром концепта лес является зрительное и слуховое представление о денотате – совокупности деревьев. Эти компоненты ядерного значения регулярно реализуются в контекстах. Предметный (денотативный) образ леса представлен в русском и польском языковом сознании как совокупность деревьев – лиственных и хвойных, что типично для средней полосы:

Plaża nad Bałtykiem to iglasty las parawanów [Szlendak 2005, online];

Особенно досталось сосновым и дубовым лесам на западе Подмосквья [Орехин 2003, online].

Мереологическая характеристика леса заключается в том, что это явление членится на отдельные объекты – деревья, а само оно в свою очередь входит в понятие «растительный мир, флора»; любой лес делится на внешнюю часть (опушка) и внутреннюю (чаща, дебри), в языковом сознании отмечены отдельные пустые участки – поляны. Возможно деление «по горизонтали»: почва – стволы – крона. Таксономический класс (родо-видовая иерархия) выглядит так: лес является обобщенным названием для разных видов этого явления, которые различаются по месту нахождения (урема), размеру (роща), по месту и размеру (колок), по типу деревьев (дубрава, бор). Типичное функционирование имени связано с особенностями существования самого объекта: лес растет, лес горит, лес вырубает, леса сажают, изучают и пр. Лес имеет определенную структуру (густой, редкий):

Sloneczne plamy tańczyły na pniach. A potem las rzedniał [Mandalian 2009];

Нас везли куда-то на телеге, а вокруг дороги стоял густой лес, который казался нам загадочным [Архипова 1996].

В словарной дефиниции имеется намек на понятие совокупности («территория, поросшая лесом»), т.е. лес в нашем сознании представлен как нечто единое. Типичным для русского и польского национальных сознаний является представление о растительном мире вообще и о лесе как о едином живом организме, в чем-то подобном человеку, в частности:

Tutaj las schodził aż do brzegu... [Żandarska-Ochnik 2008];

Лес, пятясь от человека, стал отступать, а бобры, уходя все дальше и дальше, оказались в самых глухих чащобах [Иванов 2004].

Это же мифологическое представление обнаруживается в пословицах, поговорках, загадках: *Лес по топорщику не плачет.*

Лес в национальном сознании русских и поляков имеет количественные параметры (большой, маленький):

Natomiast tuż za główną ulicą znajduje się mały las [Wolnik 2007, online].

Лес исчисляется гектарами: *В нынешнем году в республике намечено посадить три с половиной тысячи гектаров леса* [Алексеев 1953, 4].

У обоих народов лес является объектом эстетической, эмоциональной оценки или отношения:

Widząc podwładnego dopytuje: „Lubicie las sierżancie?” [Solska 2000, 61];

Я люблю лес, лес – это моя стихия [Сотников 2003];

В лесу всегда интересно [Тихомиров 2002].

Таким образом, перечисленные оттенки значений, реализованные в словосочетаниях, являются частью концепта «Растительный мир», они отражают представления о лесе и во многом обусловлены социальным и культурным фоном коллективного языкового сознания. Языковая модель действительности – это результат осмысления миропорядка коллективным народным сознанием, результат осознания значимости составляющих мира и их взаимоотношений в культурно-историческом контексте. Широкий анализ значения слова и его употребления позволяет расширить представление о месте того или иного явления в общей картине мира.

Библиография

- Алексеев С., 1953, *По ту сторону бранденбургских ворот. Последствия милитаризации Западного Берлина*, Вечерняя Москва, 4.03.1953, <http://oldgazette.ru/vm/04031953/text4.html> [17.05.2015].
- Архипова И.А., 1996, *Музыка жизни*, Москва: Вагриус
- Афанасьев А.Н., 2006, *Мифология Древней Руси*, Москва: Эксмо.
- Иванов Д., 2004, *Жил-был бобр*, Вокруг света, № 6.
- Маковский М.М., 1996, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и мир образов*, Москва: Гуманитарный издательский центр Владос.
- МАС – *Словарь русского языка. В 4-х т.*, 1981–1984, ред. Евгеньева А.П., Москва: Русский язык.
- Национальный корпус русского языка*, <http://www.ruscorpora.ru/> [17.05.2015].
- Национальный корпус польского языка*, <http://nkjp.pl/> [17.05.2015].
- Орехин П., 2003, *Вредители леса*, Независимая газета, http://www.ng.ru/politics/2003-07-01/3_wood.html [17.05.2015].
- Попова З.Д., Стернин И.А., 2001, *Очерки по когнитивной лингвистике*, Воронеж: Истоки.
- Сотников А., 2003, *Коммунист*, Лебедь (Бостон), <http://lebed.com/2003/default.htm> [14.07.2003].
- Тихомиров О., 2002, *Мы из школьного лесничества*, Мурзилка, №7.
- Mandalian A., 2009, *Czerwona orkiestra*, Warszawa: SIC!
- Solska J., 2000, *Kasę wyprowadzić*, Polityka, nr 2262, 9.09.2000, 60–63, <http://archiwum.polityka.pl/szukaj/32.html> [17.05.2015].
- Szlendak T., 2005, *Plagi nadmorskie*, <http://szlendak.blog.polityka.pl/2012/07/31/plagi-nadmorskie/> [17.05.2015].
- Wolnik K., 2007, *Mieszkańcy Dąbrowki Malej nie wiedzą, jak się bronić przed złodziejami*, <http://katowice.naszemiasto.pl/archiwum/mieszkanicy-dabrowki-malej-nie-wiedza-jak-sie-bronic-przed,1501844,art,t,id,tm.html> [17.05.2015].
- Żandarska-Ochnik M., 2008, *Pan wichrów i powiewów*, Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Branta.

Summary

THE IMAGE OF THE FOREST IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (ON THE BASIS OF POLISH AND RUSSIAN)

This article is devoted to the basic theme „The ways of expressing the picture of the world in language”. In modern research, the usage of the expressions “the world image” and “picture of the world” is very urgent and topical. Language is closely connected with thinking, though is not identical with it. Each language has its own way of the expression of surrounding reality which is expressed in general national and specific systems of views for all its speakers. This leads to the formation of the unique national linguistic picture of the world, common for the whole community.

The word “forest” occupies an important place in our consciousness; it implements a generic meaning of “nature” and has similar meanings in Russian and Polish linguistic pictures of the world. There exist some meanings of this word in Russian and Polish: a terrain overgrown with trees, a certain living creature, and construction material. Thus the word “forest” has an identical combinability in the related languages.